

УДК: 111

DOI: 10.25629/НС.2022.11.08

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НЕСООТВЕТСТВИЯХ МОНИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Беляков М.А.

Ивановский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, насколько корректно придерживаться монистического взгляда на мир с учетом современного уровня знания. Предпринимается попытка описать мир во всем его многообразии при последовательном и неукоснительном соблюдении монистической позиции. Последовательно предлагаются модели такого описания в математике, геометрии и общей теории систем. Делается вывод о невозможности построить адекватную модель с помощью названных подходов. Высказывается предположение о том, что невозможность создания монистической модели связана с конституцией человека, фундаментальным не декартовским дуализмом, заложенным в нем. Далее указываются возможные выводы, к которым следует прийти, для более адекватного и реалистичного описания окружающей действительности.

Ключевые слова: монизм, дуализм, основной вопрос, восприятие человека.

Вступление

Один из основных вопросов философии, заданный в своей непосредственной форме: «Что первично, дух или материя?», довольно недвусмысленно подразумевает наличие значительных различий между нашим субъективным опытом и окружающей реальностью. Однако, мыслитель, подметивший в окружающем мире некую фундаментальную дихотомию, тем не менее, предполагает (если исходить из формулировки вопроса), что в ответе необходимо все свести к единственно верному знаменателю.

Указанный выше вопрос, без сомнения, можно отнести к числу продуктивных – даже не находя на него ответа, философ, размышляющий над ним, способен породить значительное количество идей и теорий. Довольно показательна в данном отношении очень информативная книга Т.И. Хилла «Современные теории познания» [9]. В данной работе достаточно полно освещено развитие идей аналитического направления философии. Начиная свой анализ с идеалистических концепций, постулирующих наличие неких абсолютных идеальных сущностей, от которых так или иначе зависит объект познания, автор закономерно переходит к рассмотрению реалистичных теорий, в которых окружающая действительность довлеет над сознанием. Что вполне естественно – идеалистические концепции, неспособные достаточно четко определить исходные понятия, в данном отношении значительно уступают науке, которая добивается значительных успехов, просто изучая непосредственно данные объекты, практически не утруждая себя многословными рассуждениями о сущностях, к которым нельзя применить научные методы.

Утверждение же примата объективной реальности над субъективным опытом приводит к появлению прагматических и физикалистских теорий: мало изучать объективную реальность, необходимо соответствующим образом менять сознание – учиться рассматривать окружающие объекты с точки зрения их полезности в какой-либо ситуации, а также вырабатывать специфический язык, который бы способствовал наиболее объективному восприятию реальности.

Обращение к проблемам сознания приводит к возникновению феноменологических теорий, в которых исследователи анализируют, благодаря чему мы вообще способны мыслить объективно.

Заканчивает свою работу Хилл рассмотрением теорий, в которых производится анализ обыденного языка, так как невозможно начать формирование некоего «правильного», объективного восприятия действительности с чистого листа, в полном отрыве от предшествующего опыта. Уже имеющийся в наличии живой язык, так или иначе, нацелен на улучшение взаимодействия между людьми в процессе их совместной деятельности, а значит, в нем изначально заложены механизмы объективного восприятия действительности.

Вероятно, Хилл неслучайно рассматривал теории познания примерно в таком порядке. Отчетливо можно заметить своеобразный завершённый цикл философской мысли – его работа начинается и заканчивается анализом идеалистических концепций, с той лишь разницей, что если «универсалии» в качестве абсолютных сущностей вводятся мыслителями в высшей степени произвольно (хотя и с учетом требований логики), то идеальные значения живого языка возникают стихийно и в объективно сложившихся условиях.

Таким образом, простая постановка основного вопроса, даже без его окончательного разрешения, порождает достаточно отчетливую диалектику – имеется большое количество продуктивных теорий, по-разному на него отвечающих и, соответственно, по-разному описывающих окружающую действительность.

Зададимся вопросом, почему так происходит? И сам вопрос, и теории, которые пытаются на него ответить, являются продуктами человеческого мышления. Соответственно, можно спросить, что именно в нашем мышлении позволяет нам ставить дуалистические вопросы и требовать на них монистические ответы? Какое же тогда по сути человеческое мышление – дуалистическое или монистическое?

Вероятно, для того, чтобы решить последний вопрос, перекликающийся с темой данной работы, нам необходимо исходить из критики монизма. Если мы не сможем построить адекватной монистической картины мира, то ее следует отбросить и принять по крайней мере дуалистическую. В данном случае мы также исходим из требований здравого смысла, ведь если мы начнем с критики дуализма, то наша задача становится многократно труднее и, как будто, совершенно бессмысленной – необходимо сначала построить реалистичную дуалистическую картину мира, а затем объяснить, почему она нереалистична.

Построение адекватной монистической картины мира, на наш взгляд, невозможно без общего представления о монаде. Наше предприятие обретает смысл только в том случае, если мы положим в основу предполагаемого монистического восприятия некую фундаментальную первичную сущность из которой вытекают все остальные.

В соответствии с нашим пониманием монады как некоей первоосновы, она представляется неразложимой на части, не обладающей никакими свойствами, вернее имеющей только одно свойство, которое полностью тождественно ее сущности. Исходя из данного понимания мы и будем далее искать абстрактные модели, созданные разумом человека, в которых присутствуют подобные монады и которые нацелены на максимально точное описание окружающей действительности.

Монизм в математике

Самый очевидный пример искомой первоосновы мы найдем, если обратимся к ее изначальному смыслу. Слово монада произошло от греческих *μονάς*, *μονάδος* – единица, единое. Соответственно, числовая прямая, вероятно, и являет собой наиболее замечательный пример монистической абстрактной модели, с помощью которой мы можем адекватно описывать окружающую реальность.

В данном случае мы можем очень лаконично описывать наше окружение посредством присвоения различным вещам какого-либо числового значения, то есть 1 – стул, 2 – стол, 3 – окно и т.д. Может показаться, будто такой способ чересчур прост и не раскрывает в полной мере уникальности вещей, однако, 1 не равно 2, а 2 не равно 3. Каждой неповторимой вещи мы можем приписать свое неповторимое число и описывать окружающую действительность как совокупность уникальных величин.

Поскольку числовая прямая бесконечна, то и наши возможности для описания не ограничены – для каждой вещи можно найти свое число.

Также просто, с помощью числовой прямой, мы можем описывать изменения объекта во времени, если перейдем от множества натуральных к множеству целых чисел. С помощью отрицательных чисел мы можем зафиксировать все изменения объекта до интересующего нас момента времени, а с помощью натуральных – после него.

Наконец, с помощью дробных чисел, мы можем описать все составные части некоторой интересующей нас вещи, обозначая через дробь количественное отношение части к целому.

В целом, даже на таком элементарно простом уровне числовая прямая представляет собой пример хорошей абстракции, созданной разумом человека, способной адекватно описывать окружающую действительность. Для более точного описания действительности мы можем использовать формулы, в основе которых лежат опять же операции с числами как составными частями числовой прямой. Вероятно, из этого следует сделать вывод, что мышление человека, по сути, монистическое, поскольку соблюдаются следующие равенства:

$$1=1; 2=1+1; 3=1+1+1; \dots$$

$$-1= -1; -2= -1-1; -3= -1-1-1; \dots$$

$$0,1= 0,1; 0,2= 0,1+0,1; 0,3= 0,1+0,1+0,1; \dots$$

Любое число из представленных множеств мы можем разложить на конечное число величин, равных первому члену, и который является далее неразложимым внутри интересующего нас множества.

Однако, на наш взгляд, мы не можем сделать абсолютно строгий вывод о монистическом характере мышления человека без соблюдения хотя бы одного из следующих равенств:

$$2 = 1 \ 1 \ (1);$$

$$+ = 1 \ (2).$$

Нас здесь интересуют два вопроса. Можем ли мы представить числовую прямую как некоторое неупорядоченное множество (1)? И если не можем, то вытекают ли в таком случае операции из чисел (2)?

Для пояснения первого вопроса нам следует также спросить, используем ли мы математику для того, чтобы определенным образом упорядочить окружающую действительность, либо она для нас даже через числовую прямую предстает как некоторая совокупность случайных величин? Вообще, может ли родиться понятие множества посредством наблюдения случайных объектов?

Представим себе некоторого условного изобретателя множества натуральных чисел. Откуда у него возникла данная идея? Что он наблюдал при этом? Рядом лежащие камешки на песке, упавшие плоды с дерева, стадо животных или какие-то еще столь же однородные вещи? Представляется, что данные объекты очень легко связать в понятие множества и выразить их через числовые эквиваленты. Но могло ли понятие числового множества возникнуть благодаря соединению несвязанных объектов, например, звезды на небе, одиноко пасущегося животного и случайного дерева в лесу?

Вероятно, мы не можем вполне однозначно ответить на данные вопросы, поскольку ответы на них, скорее всего, утеряны во времени, поэтому нам следует попытаться решить возможно ли второе равенство (2). Следует задаться вопросом, является ли единица первичным элементом числовой прямой, а все операции безусловно из нее вытекают? С позиций здравого смысла может показаться, что следует признать ведущую роль за числом, поскольку мы сначала обращаем внимание на какой-либо объект, а затем уже производим с ним различные операции. Отсутствие же объекта равняется пустому пространству, с которым мы не можем производить никаких операций. Однако, представляется, что такое решение будет в высшей степени произвольным и здесь можно привести такой контраргумент – чтобы у нас вообще появилась возможность рассматривать что-либо как объект, мы должны его предварительно соотнести с

нашей системой координат. То есть, хотя $1+1=2$, но также $0+1+1=2$. Проиллюстрируем это положение следующей метафорой: возможно из одного маленького семечка мы и можем вырастить большое дерево, однако, у нас получатся совершенно разные результаты в зависимости от того, поместим ли мы его в плодородную почву либо в вакуум.

В целом, только на основании числовой прямой, вероятно, нельзя сделать вывод о том, какой характер носит мышление человека (является ли оно дуалистическим или монистическим), поскольку она является довольно сильной абстракцией и необходимо специальное обучение, чтобы воспринимать реальность посредством чисел.

Монизм в геометрии

Пример другой абстрактной модели, претендующей на реалистичное описание действительности, мы получим, если посмотрим на то, каким образом можем отличать один предмет от другого. Каждая отдельная вещь занимает свое место в пространстве, и мы можем ее обобщенно представить по тем очертаниям, которые характеризуют ее внешние границы. Если мы абстрагируемся только до уровня данных границ и представим себе, как выглядела бы та или иная вещь на какой-либо плоскости, то в итоге придем к базовой модели прямой как совокупности множества точек.

Идею представлять всякую вещь в виде совокупности точек на плоскости можно отнести к числу монистических. Как бы пристально мы не разглядывали прямую, нам не удастся представить ее иначе, кроме как совокупность неких точек. Точка достаточно явно здесь выступает в виде первичной, далее неделимой, не имеющей частей монады. Несмотря на то, что мы не можем увидеть на прямой ничего кроме совокупности точек, все же зададимся вопросом, что именно она собой представляет – просто совокупность точек или совокупность упорядоченных точек?

Можем ли мы абстрагироваться от связей? Например, изобразим прямую, состоящую из десяти точек (рисунок 1).

Рисунок 1

Затем расположим данные точки в произвольном порядке (рисунок 2).

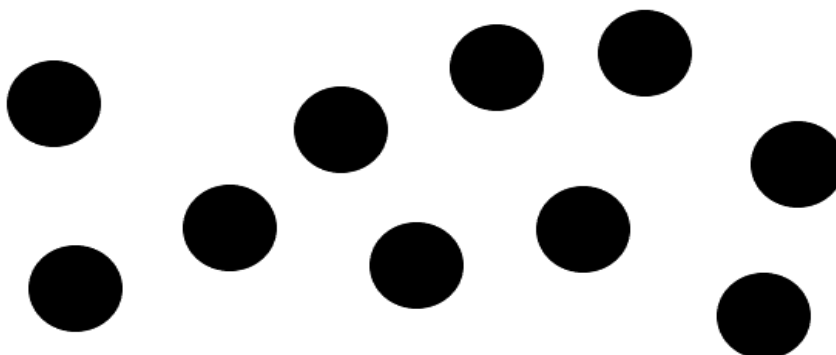

Рисунок 2

После этого спросим у какого-нибудь человека, что именно мы изобразили на втором рисунке. Имеется ли хоть какой-нибудь шанс получить ответ: «Прямую»? Вообще, каков шанс расположить бесконечное количество бесконечно малых величин в какое-либо упорядоченное множество, если мы будем их ставить на плоскости в произвольном месте (буквально, закрыв глаза, ронять сверху)? Вероятно, такой шанс будет неотличим от нуля, а значит при построении прямой мы не можем абстрагироваться от связей. Возникает вопрос, что именно представляют собой эти связи, выводятся ли они каким-нибудь образом из точки, являются ее производными?

Для ответа на данный вопрос нам представляется возможным отождествить точку, как некую монаду, с ее числовым эквивалентом – единицей. Вероятно, мы можем подобрать даже более точный эквивалент – $0,0...01$, как некую бесконечно малую, далее неразложимую величину. В данном случае мы не можем поместить связь внутрь точки, поскольку выразили ее с помощью предельно малой, далее неразложимой величины. Но можем ли мы каким-либо образом вывести связь из точки, например, обозначив пару точка-связь в виде величины $0,0...02$? Следует отрицательно ответить на данный вопрос, поскольку такое обозначение нарушает все наши представления о точке как бесконечно малой, не имеющей частей величине. Кроме того, обозначение $0,0...02$ имеет вполне конкретный графический эквивалент в виде точки, которая в два раза больше той, которую мы обозначили через величину $0,0...01$. Здесь опять возникает вопрос: что же связывает данные точки, которые в два раза больше, чем предыдущие?

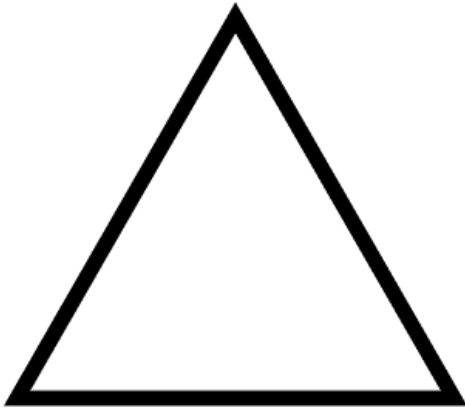

Рисунок 3

Пока что, на данном этапе, мы не можем сделать вывод о том, что мышление человека носит монистический характер. Возникают довольно сильные несоответствия, которые никак не объяснить с помощью абстрактных моделей, в которых вводится понятие монады. Если мы допустим следующее приближение к реальности и спросим, сможем ли мы с помощью монад описать какие-либо конкретные фигуры на плоскости, то у нас вновь возникнут несоответствия, в данном случае, несоответствия формы. Зададимся вопросом, сможем ли мы с помощью монады описать следующую геометрическую фигуру (рисунок 3).

В рамках монистической концепции мы ее можем определить, как совокупность всех входящих в нее точек. То есть для того, чтобы описать, по-

знать данную фигуру, нам необходимо ее всю полностью заполнить точками. Попробуем представить, как именно это должно происходить.

Далее мы будем использовать только евклидово определение точки как того, что не имеет частей [3], так как, на наш взгляд, оно наиболее близко нашему пониманию монады. Кроме того, в данном случае, верно утверждение о том, что сколь сильно бы мы не уменьшали точку, нам не удастся обнаружить ничего, кроме точки. Отсюда верно и обратное утверждение о том, что сколь сильно бы мы не увеличивали точку, нам также не удастся обнаружить ничего, кроме точки. Поэтому, для целей наших рассуждений, мы можем воспользоваться конечным множеством точек для заполнения указанной выше фигуры.

Представим, что у нас есть полный мешок монад и мы, расположив его точно над фигурой,

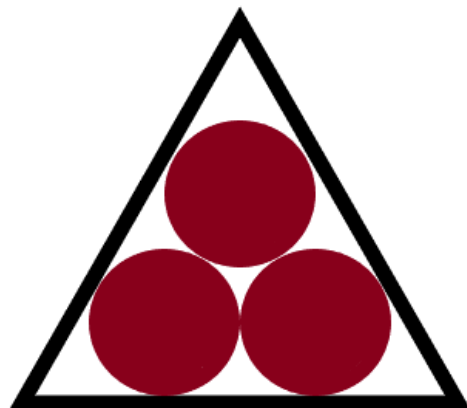

Рисунок 4

начинаем высыпать их на нее. Удастся ли нам заполнить всю фигуру целиком? Здесь становится актуальным вопрос о форме наших точек. Если мы представим их в виде наиболее пространственного образа, который мы ставим в конце каждого предложения, то при высыпании на фигуру, вероятно, получится примерно следующий результат (рисунок 4).

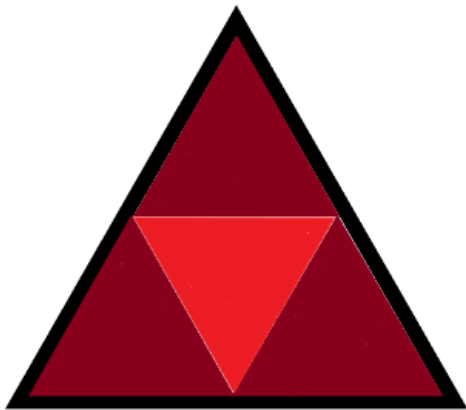

Рисунок 5

Как видно, получается большое количество пропусков из-за несоответствия формы точки форме фигуры, которые никогда не исчезнут, сколь сильно мы бы не уменьшали точки. Но что тогда мы можем поставить на место данных пропусков? Очевидно, только точки, поскольку наш выбор формы для них был исключительно произвольным, и можно полностью заполнить ими нашу фигуру, например, таким образом (рисунок 5).

Решив проблему заполняемости для конкретной фигуры, мы ее не решили в общем виде. Какими точками нам следует заполнять округлость, а какими — сложные фигуры, округло-треугольной формы? Предположить, что существует огромное разнообразие точек, но

что тогда определяет это разнообразие? Данные проблемы не решаются, если мы, к примеру, еще больше увеличим монаду и будем вписывать фигуры внутрь нее (рисунок 6).

Здесь возникает вопрос, что заставляет фигуру проявляться внутри нерасчленяемой монады?

Хотя наши рассуждения выше и носят во многом наивный характер, они, тем не менее, позволяют наиболее наглядно показать проблемы критикуемой концепции. Если мы будем строго придерживаться монистической парадигмы, то, очевидно, породим большое количество несоответствий, которые никак не сможем объяснить.

Разумеется, для того, чтобы описать какую-либо фигуру, нам не требуется ее полностью заполнять точками. Ими мы лишь обозначаем внешние границы, показывая тем самым условные пределы, за рамки которых не выходит ни одна точка. Таким образом, мы можем полностью абстрагироваться от ее формы и рассматривать точку как то, что не имеет не только частей, но и размера.

Рисунок 6

Причем, мы можем весьма схематично изображать интересующую нас фигуру и все равно понимать, о чем идет речь. Например, для того, чтобы обозначить какую-либо четырехугольную фигуру нам достаточно поставить по углам четыре точки, чтобы возник своеобразный гештальт, который мы и достраиваем до целого четырехугольника. Вероятно, можно привести и более строгие — аксиоматические — примеры геометрических построений с помощью минимального количества точек. Так, чтобы определить прямую, нам достаточно всего лишь двух точек, а для определения плоскости достаточно поставить лишь три точки, не лежащие на одной прямой [2].

Следует заключить, что в геометрических построениях, помимо точек, существенное значение имеют также и связи между ними, и мы не можем от них полностью абстрагироваться.

Монизм в общей теории систем

Невозможность абстрагироваться от связей особенно ярко проявляется, когда мы допустим следующее приближение к реальности и будем рассматривать всякий объект окружающей реальности как систему. Вообще: «Система – множество элементов, находящихся в отношениях или связях друг с другом, образующих целостность или органическое единство» [4, С. 14] и отмечается, что наиболее строгим толкованием слова система будет следующее: «Система – это множество элементов и отношений между ними» [Там же, С. 14].

Можно предположить, что в основе теории систем лежит монистическая концепция, поскольку всякая система состоит из элементов и в свою очередь может выступать в качестве элемента более высокоуровневой системы. Однако, непосредственно наблюдаемая «вживую» система наполняет данную концепцию совершенно нехарактерной спецификой. Мы, разумеется, говорим о таком существенном системном свойстве как целостность. Не наблюдая ничего, кроме элементов системы и не рассматривая ее никак иначе, кроме как элементом другой системы, мы, тем не менее, принципиально не можем свести ее только лишь к сумме составляющих ее элементов. Можно предположить, что при построении системы мы обязаны включать в нее что-то еще помимо тех элементов, на которые мы можем ее разложить. Что именно? Вероятно, ничего неизвестного. Если мы подвергнем системному анализу определение системы, то заметим, что оно состоит из двух компонентов – элементов и связей между ними.

Предварительные итоги

Подведем некоторый итог нашим рассуждениям. Выше мы рассматривали абстрактные модели, созданные человеком для наиболее объективного и достоверного описания окружающей действительности. Несмотря на то, что в основе каждой из них лежат представления о некоей первооснове, некоем первичном, далее неразложимом элементе, назвать строго монистическими мы их не можем. Нам придется допускать большое количество оговорок и допущений, если мы все же захотим придерживаться монистической парадигмы в рамках данных моделей.

Попытаемся рассмотреть почему так происходит. Предварительно обозначим нашу позицию по поводу основного вопроса, который был поставлен в начале изложения. Мы условно предполагаем наличие объективной реальности, однако данная реальность всегда преломляется через восприятие человека. Соответственно, принципиально важно здесь для нас решить, в какой мере человек включен в окружающую действительность. Кем он является – продуктом эволюционного развития вселенной, в чью конституцию включены происходящие в ней процессы, либо чем-то совершенно иным? Например, неким принципиально иным субъектом, противопоставленным окружению, который лишь наблюдает мир со стороны. В последнем случае можно предположить, что все модели реальности, создаваемые нашим разумом, являются лишь грубым приближением к действительности, в котором возможны ошибки, неточности, и следует ожидать появления других абстрактных монистических моделей, в которых, возможно, будут преодолены все указанные неточности, а все явления сведены к единственно верному знаменателю. К примеру, общая теория систем, возникла относительно недавно – в середине прошлого века и теоретики системности считают, что «системизм» – это новый взгляд на мир, который до конца еще не завершен [1].

Тем не менее, мы считаем положение о том, что человек представляет собой какую-то совершенно независимую величину, лишь отрешенно наблюдающую мир со стороны, в высшей степени неправдоподобным. Хотя и возможно представить создание новых, условно «монистических» абстрактных моделей, вводящих какие-то совершенно новые категории и открывающих неизведанные грани реальности, однако, с помощью уже существующих мы способны добиваться большой точности в описании окружающей действительности. Кроме того, можно заметить достаточно сильную схожесть указанных абстракций. Единицы эквивалентны точкам и элементам системы. Не создается впечатления, что мы с помощью представленных абстрактных моделей описываем мир каждый раз принципиально по-новому, но будто говорим об одном и том же, только с разных позиций. Вероятно, последующие модели также не будут чем-то исключительным, но станут лишь уточнять и дополнять уже существующие.

Можно также предположить, что при моделировании реальности имеются вполне конкретные физиологические ограничения, которые накладывает на нас наш мозг. Если мы максимально обобщенно его представим, то он явится перед нами в виде совокупности связанных нейронов, совокупности своеобразных точек, посредством которых мы отражаем окружающую действительность. Интересно отметить, что если мы более пристально взглянем на строение нервной ткани, то заметим, что она не представляет собой некое монолитное, непрерывное образование. В ней выделяется достаточно важный функциональный участок – синаптическая щель. От происходящего в ней химических и физических процессов напрямую зависит, будет ли передаваться далее сигнал, и данная щель буквально представляет собой границу двух тел нейронов, то есть пропуск нервной ткани.

Поэтому, далее мы будем считать, что описание мира посредством абстрактных моделей в целом соответствует действительности и возможно сопоставление нашего мышления с объективной реальностью. Поскольку нам мало просто воспринимать величины, а необходимо также определенным образом их связывать, можно предположить, что и нас окружают не просто хаотичные, случайные объекты, но определенным образом упорядоченная, связанная действительность.

Помимо этого, мы показали, что связь нельзя каким-либо образом вывести из величины, то есть мы отрицательно ответили на вопросы о возможных равенствах (1) и (2), указанных выше. Но отрицательные ответы в данном случае приводит нас к достаточно серьезному выводу – определенную часть нашей действительности мы принципиально не можем свести к какой-либо величине, иначе будут неизбежно возникать искажения, неточности в нашем восприятии действительности.

Поясним наш вывод. Монада представляет собой неделимую, не имеющую частей величину. Все наше представление о величине полностью перекрывается понятием неделимой монады. Значит, мы не можем как-либо перенести понятие величины на связь без нарушения наших представлений о монаде (невозможно разделить неделимую монаду).

Здесь может сложиться впечатление, будто на данном этапе рассуждений мы отходим от представленного ранее определения монады и пытаемся расчленить ее путем введения дополнительной величины. Таким образом мы нарушаем не только наши исходные положения, но и, как будто, обыденное восприятие человеком действительности. В самом деле, время и пространство представляют собой непрерывные континуумы. Нигде нельзя обнаружить непроницаемые стены, которые бы резко ограничивали наши возможности по перемещению или воспоминанию событий прошлого и прогнозирования будущего. Ограничения в данном случае воспринимаются скорее, как недостаток возможностей, но не как непреодолимое препятствие. Однако, заметим, что появившееся противоречие является иллюзорным, легко преодолимым, в чем каждый может убедиться с помощью довольно простой эмпирической модели.

Для этого возьмем смятый, скомканный лист бумаги – получим монаду. Затем расправим его – получим плоскость. Соединим два противоположных края данной плоскости – получим цилиндр. Поскольку монада безгранична [6], то на поверхности данного цилиндра мы можем построить бесчисленное множество фигур (а на каждой из этих фигур еще одно бесконечное множество). В качестве своеобразного наглядного заменителя данных фигур выступает мятая поверхность нашего цилиндра. Наконец, произвольно приближая и отдаляя стенки цилиндра, мы можем получать более сложные фигуры. Скажем, если мы построим на поверхности цилиндра множество мелких шариков (буквально выдуем их, как если бы мы имели дело с резиновой поверхностью), то сможем, приближая и отдаляя их, имитировать различные молекулярные структуры в том виде, как они представлены в учебниках по химии.

Таким образом, нам удалось создать множество, ни разу не нарушив целостность нашей исходной монады. Это у нас получилось благодаря тому, что мы объяли, охватили со всех сторон нашу исходную фигуру. Особо хочется отметить, что при таком способе построения мы всегда создаем незавершенные, не самодостаточные по сути фигуры, открывая поистине безграничные возможности для споров о том, что же у нас получилось – монада; или же монада, которую мы

развернули в плоскость; или же монада, которую мы развернули в плоскость, которую затем свернули в цилиндр; или же монада, которую мы развернули в плоскость, которую затем свернули в цилиндр, на поверхности которого построили бесчисленное множество фигур. А может все это бесчисленное множество фигур, которое мы построили на поверхности цилиндра, который можно развернуть в плоскость, которую затем можно свернуть в монаду являются не более чем иллюзией и все это время у нас был обычный мятый лист бумаги, который теперь надо выбросить после окончания наших манипуляций в мусорное ведро. Кто знает?

Таким образом, указанная выше невозможность использования единственного компонента для построения адекватной картины окружающей реальности, без его соотнесения с чем-либо, закономерно приводит нас к выводу о том, что к некоторой части действительности мы не можем предъявлять требования, которые предъявляем к единице, точке либо элементу системы как составной части целого.

Монизм в реальной действительности

Некоторое несоответствие, на наш взгляд, можно обнаружить в истории развития науки [8]. Так, развиваясь в рамках монистической парадигмы, классическая наука описывала весь мир в виде совокупности атомов, подчиняющихся жестко детерминированным закономерностям. Ближе к 20 веку, под влиянием новых фактов, в науке происходит достаточно сильный отход от строго детерминированной картины мира в сторону квантово-релятивистской, вероятностной. Происходит становление неклассической науки. Хотя данное событие само по себе является достаточно знаменательным, нам бы хотелось обратить внимание на одну особенность, которую мы считаем достаточно характерной. В частности, в рамках классической парадигмы было получено общее представление об атоме, в общих чертах описана его структура, то есть подтвердились изначальные теоретические предположения о том, что весь мир состоит из неких неделимых частиц. И все же, несмотря на это, возникает неклассическая наука. То есть, буквально, были найдены точки из которых состоят все вещи и, тем не менее, одних этих точек оказалось недостаточно, чтобы составить целостную картину мира – для более полной картины действительности пришлось спуститься на субатомный уровень и описывать весь мир теперь уже как совокупность элементарных частиц. Можно предположить, что на субатомном уровне вновь не удастся составить целостного представления о действительности. На это указывает, в частности, концепция о двойственном характере элементарных частиц, когда невозможно одновременно указать их импульс и координаты.

Помимо несоответствий монистической парадигме, которые мы выделили в истории науки, можно обнаружить более существенные искажения действительности, возникающие, если мы сводим все к единственно верному основанию, также и в теоретических основаниях науки. Так, нас интересует вопрос, что собой представляют в рамках монистической парадигмы законы окружающей действительности, законы природы? То есть что это такое, каков их онтологический статус? Обратимся к определению данного понятия: «Закон – это необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение» [5]. Составив себе некоторое представление о данном термине, все же не совсем понятно, посредством чего достигается указанная необходимая связь. Имплицитно предполагается (насколько можно судить из того, что данное определение помещается в энциклопедии рядом с определением законов, которые действуют в социуме, а также из популярных представлений в различных научно-популярных фильмах – где законы иногда показаны в виде формул, летящих в пустом пространстве космоса), что законы представляют собой своеобразные регуляторы, которые, воздействуя на объекты реальности, позволяют сохранять существующий порядок вещей. Можно предположить, что в рамках монистической парадигмы законы являют собой величины-параметры, которые являются предустановленными и существуют до появления того или иного объекта, то есть сначала имеется закон, затем появляется объект и он подпадает под действие закона. В данном случае возникает огромное количество вопросов.

Где хранятся законы? Каким образом данные сущности определяют, что они регулирует то или иное явление? Посредством чего они воздействуют на тот или иной объект и начинают им управлять? Каково строение законов? Как они возникли?

На наш взгляд, введение неких регуляторов, которые управляют объективной реальностью совершенно не снимает вопросов об их природе.

Кроме того, положение о том, что закон предполагает необходимую связь между явлениями, а значит должен выполняться всегда и везде, вступает в достаточно серьезное противоречие с имеющимися у нас знаниями об окружающей действительности, в частности, с тем, что мы в принципе не можем назвать закон, который был бы абсолютно самодостаточен и не допускал бы никаких исключений. Те закономерности, которые, как мы предполагаем, управляют окружающей действительностью, всегда выводятся из конечного количества наблюдений, а значит у нас нет никаких оснований утверждать, что мы обнаружили некую подлинную, выполняющуюся всегда и везде связь явлений.

Очень хорошо данную проблему выразил Карл Поппер. Обозначив указанное выше несоответствие как юмовскую проблему индуктивного вывода, он спрашивает, имеем ли мы какие-либо основания утверждать, что наши синтетические выводы являются абсолютно истинными и распространяются также на все сходные явления, которые мы не можем в данный момент наблюдать, и приходит к мнению, что «...все законы или теории следует считать гипотетическими, или предположительными, то есть просто догадками» [7, С. 20]. Однако, обозначив указанное несоответствие, Поппер, будучи достаточно последовательным и ярким реалистом, предлагает приближаться к истине посредством бесконечного формулирования все более и более реалистичных гипотез. То есть его не интересует природа порождаемых теорий, для него они всегда безусловно следуют из эмпирических фактов. Также можно заметить по некоторым его высказываниям, что он противопоставляет человека и природу: «Законы природы – *действительно* наше изобретение, они создаются животным и человеком, они генетически априорны, хотя и не априорно верны. Мы *пытаемся* навязать их природе» [Там же, С. 95].

Думается, что реалистичный подход, предполагающий постоянное порождение все более и более истинных гипотез, без объяснения их природы, недостаточно полон. Объективно, мы производим синтетические обобщения. Навязываем мы их окружающей реальности или нет, они тем не менее составляют часть нашего восприятия и если мы никак не будем объяснять их природу, то просто оставим существенную часть реальности без объяснения.

Соответственно, можно спросить, что говорят нам о мире данные обобщения? Что именно мы пытаемся сформулировать посредством синтеза – некую абсолютную величину, некий предустановленный параметр, который воздействует на объекты со стороны? Но так мы действительно никогда не сможем обнаружить подлинную и необходимую связь явлений. Помимо того, что мы основываем наши выводы на конечном числе наблюдений, сам характер наших наблюдений является исключительно произвольным, мы всегда берем не абсолютную, но лишь относительную точку отсчета.

Рассмотрим гипотетический пример установления простейшей психологической закономерности. Наблюдая за булочной в течение нескольких часов, мы обнаружили, что его посещали субъекты А, В, С и D. Продолжив наблюдение в течение месяца, предположим, мы обнаружили, что субъекты А, В и D больше не посещали данное место, в то время как субъект С каждую неделю в одно и то же время заходил в него. Какой вывод нам следует сделать из нашего наблюдения? Вероятно, о том, что поведение субъекта С подчиняется определенным закономерностям. Мы можем далее провести с ним интервью и выяснить, что он посещает булочную в определенное время потому, что именно тогда в ней пекут особенно вкусные пироги, которые напомнили ему те, которые он ел в детстве. Отсюда мы можем сделать вывод, что ранние детские переживания управляют поведением в более старшем возрасте.

Что фактически произошло при данном наблюдении? Вероятно, следующее: мы произвели наблюдение над случайным участком действительности, установили связь между сходными

наблюдаемыми явлениями, а затем предположили, что существует некая метавеличина, которая ими управляет. Зафиксировали ли мы при этом какой-то параметр, воздействующий со стороны? Нет, мы не наблюдали никакого портала в иное измерение, из которого бы в наш мир проник параметр и захватил управление над наблюдаемыми величинами. Но что тогда такое та метавеличина, которая, как мы предполагаем, управляет явлениями?

На наш взгляд, процесс синтетических обобщений в высшей степени подобен следующему процессу. Так, если мы поместим уже упоминавшееся ранее семечко в плодородную почву, то через какое-то время из него вырастит дерево. Огромное количество клеток из которых состоит это дерево являются взаимосвязанными, не обладают возможностью самостоятельного функционирования, но подчинены общей цели – поддержанию жизнедеятельности целостного организма. Выросшее дерево буквально является той метавеличиной, которая детерминирует функционирование всех входящих в него клеток. Можем ли мы сказать, что данная метавеличина является чем-то абсолютным и устанавливает связи между составляющими ее клетками единственно возможным и необходимым способом? Совершенно однозначно, нет. Заранее мы никогда не можем сказать, какое дерево вырастит из семени, а значит заранее не предопределено и то количество клеток-величин, которые детерминирует выросшая над ними метавеличина, а также характер их взаимодействия (разные деревья вырабатывают разное количество энергии в результате фотосинтеза, поглощают разное количество питательных веществ). Конечный характер детерминации всегда соотносится с теми условиями, в которых развивается метавеличина.

Вероятно, в рамках системного подхода мы всегда можем предположить наличие метаструктуры, которая детерминирует характер взаимодействия входящих в ее состав элементов. Отсюда можно предположить, что мы в процессе синтетического обобщения, наблюдая за сходными явлениями, связывая их, также выращиваем в нашем сознании метаструктуру в результате рефлексии над наблюдаемыми явлениями, а затем постоянно видоизменяем ее, соотнося с различными условиями.

Мы не отрицаем наличие закономерностей, но лишь хотим указать на необходимость смены акцентов. Закон является производным не от величины, но от структуры. Он никогда не существует до структуры, создается всегда в момент ее образования и определяется исключительно той связью, которая устанавливается между элементами, входящими в ее состав.

Взгляд на законы как на некие предустановленные параметры-величины мы считаем не соответствующим действительности, вероятно, обусловленным монистической парадигмой классической науки. В самом деле, мы нигде не видим некие абсолютные величины, которые управляют явлениями путем воздействия на них со стороны, но зато всегда можем пойти в лес и вживую наблюдать процесс роста и развития метаструктуры, которая детерминирует входящие в ее состав элементы.

Заключение

В заключительной части статьи хотелось бы остановиться на одном моменте, который до этого обходился стороной, но который все же необходимо обозначить. Так, может создаться впечатление, что, обосновывая дуалистическую позицию и выделяя связь как необходимый компонент действительности, автор противоречит сам себе, так как утверждает, что к связи нельзя предъявлять требования, которые предъявляются к величине и, тем не менее, производит такое соотнесение посредством языка. На наш взгляд, данное противоречие невозможно преодолеть, поскольку мир фундаментально дуалистичен и это проявляется также и в языке, где мы всякое отдельное понятие должны определять через его родовую принадлежность и видовое отличие. Возможно, нам удастся несколько избежать противоречия, если укажем, что рассматриваем связь как нечто, что обладает собственной логикой развития и является необходимой составной частью целого.

Простейшие примеры данной логики развития, вероятно, можно заметить уже в математике. Например, помимо основных операций – сложения и умножения, выделяют обратные им – вычитание и деление. Наверное, нельзя трактовать появление новых операций иначе, кроме

как развитие основных. Тогда зададимся вопросом, выводится ли данная линия развития из чисел, то есть имеют ли смысл следующие равенства: $-1 = -$ и $0,1 = \div$? Вероятно, следует отрицательно ответить на данный вопрос. Но тогда за счет чего появляются новые операции?

Можно предположить, что число и операция, как элементы числовой прямой находятся в диалектическом взаимодействии и мы можем анализировать числовое множество либо посредством величин, либо посредством связей. Анализ посредством величин предполагает выражения типа:

$$2+3=5; 8-6=2.$$

Здесь мы можем всегда давать точные и однозначные ответы.

Анализ посредством связей, вероятно, происходит, когда мы относим группу чисел к какому-либо классу или множеству: четные и нечетные, простые и совершенные числа и т.д.

Интересно, что класс невозможно соотносить ни с одним числом – не существует эталонного четного или нечетного числа. Классы невозможно также сравнивать между собой как некие сопоставимые величины – они состоят из бесконечных последовательностей чисел. Предположив, что числа первичны, и мы воспринимаем числовую прямую только посредством них, мы, вероятно, не сможем ответить на вопрос, посредством чего возможно определение того или иного класса.

Если мы допустим, что наше сознание является гомологичным своему окружению, то можно предположить, что существуют жестко структурированные системы, производящие впечатление частиц, подчиняющихся строгим закономерностям, а также широко структурированные системы, которые мы не можем посредством наших органов чувств соотносить с каким-либо конкретным объектом, но которые все же являются частью объективной реальности.

Вывод

Можно предположить, что при описании окружающей действительности человек использует **не менее двух** принципиально не сводимых друг к другу элементов.

Один из них можно описать следующим образом: 1, -1, 0,1. Данный элемент невозможно *определить* ни в одной системе координат без выражений типа: $0+1$, $0-1$, $1\div 10$.

Другой можно описать так: +, -, \div , \times . Данный элемент невозможно *оформить* ни в одной системе координат без выражений типа: $1+1$, $1-1$, $1\div 1$, 1×1 .

Библиография

1. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). – М.: Глобус-Пресс, 2005.
2. Гильберт Д. Основания геометрии. – Петроград: Сеятель, 1923. – 152 с.
3. Евклид. Начала. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 752 с.
4. Кононюк А.Е. Системология. Общая теория систем. – В 4-х кн. Кн. 1. – К.: Освіта України. 2014. – 564 с.
5. Новая философская энциклопедия. – В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.
6. Платон. Парменид. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 264 с.
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
9. Хилл Т.И. Современные теории познания. – М.: Прогресс, 1965. – 533 с.

**TO THE QUESTION ABOUT SOME INCONSISTENCIES
OF THE MONISTIC PICTURE OF THE WORLD**

Belyakov M.A.

Ivanovo State University

Abstract. The article deals with the question of how correct it is to adhere to a monistic view of the world, taking into account the current level of knowledge. An attempt is made to describe the world in all its diversity with consistent and strict observance of the monistic position. Models for such a description are consistently proposed in mathematics, geometry, and general systems theory. It is concluded that it is impossible to build an adequate model using these approaches. It is suggested that the impossibility of creating a monistic model is connected with the human constitution, the fundamental non-Cartesian dualism inherent in it. The following are possible conclusions that should be reached for a more adequate and realistic description of the surrounding reality.

Key words: monism, dualism, main issue, human perception.